

Гамбринус

Автор:

[Александр Куприн](#)

Гамбринус

Александр Иванович Куприн

«Так называлась пивная в бойком портовом городе на юге России. Хотя она и помещалась на одной из самых людных улиц, но найти ее было довольно трудно благодаря ее подземному расположению. Часто посетитель, даже близко знакомый и хорошо принятый в Гамбринусе, умудрялся миновать это замечательное заведение и, только пройдя две-три соседние лавки, возвращался назад...»

Александр Куприн

Гамбринус

|

Так называлась пивная в бойком портовом городе на юге России. Хотя она и помещалась на одной из самых людных улиц, но найти ее было довольно трудно благодаря ее подземному расположению. Часто посетитель, даже близко знакомый и хорошо принятый в Гамбринусе, умудрялся миновать это замечательное заведение и, только пройдя две-три соседние лавки, возвращался назад.

Вывески не было совсем. Прямо с тротуара входили в узкую, всегда открытую дверь. От нее вела вниз такая же узкая лестница в двадцать каменных ступеней, избитых и скривленных многими миллионами тяжелых сапог. Над концом лестницы в простенке красовалось горельефное раскрашенное изображение славного покровителя пивного дела, короля Гамбринуса, величиною приблизительно в два человеческих роста. Вероятно, это скульптурное произведение было первой работой начинающего любителя и казалось грубо исполненным из окаменелых кусков ноздреватой губки, но красный камзол, горностаевая мантия, золотая корона и высоко поднятая кружка со стекающей вниз белой пеной не оставляли никакого сомнения, что перед посетителем – сам великий патрон пивоварения.

Пивная состояла из двух длинных, но чрезвычайно низких сводчатых зал. С каменных стен всегда сочилась беглыми струйками подземная влага и сверкала в огне газовых рожков, которые горели денно и нощно, потому что в пивной окон совсем не было. На сводах, однако, можно еще было достаточно ясно разобрать следы занимательной стенной живописи. На одной картине пировала большая компания немецких молодчиков, в охотничьих зеленых куртках, в шляпах с тетеревиными перьями, с ружьями за плечами. Все они, обернувшись лицом к пивной зале, приветствовали публику протянутыми кружками, а двое при этом еще обнимали за талию двух дебелых девиц, служанок при сельском кабачке, а может быть, дочерей доброго фермера. На другой стороне изображался великосветский пикник времен первой половины XVIII столетия; графини и виконты в напудренных париках жеманно резвятся на зеленом лугу с барабашками, а рядом, под развесистыми ивами, – пруд с лебедями, которых грациозно кормят кавалеры и дамы, сидящие в какой-то золотой скорлупе. Следующая картина представляла внутренность хохлацкой хаты и семью счастливых малороссиян, пляшущих гопака со штофами в руках. Еще дальше красовалась большая бочка, и на ней, увитые виноградом и листьями хмеля, два безобразно толстые амура с красными лицами, жирными губами и бесстыдно масляными глазами чокаются плоскими бокалами. Во второй зале, отделенной от первой полукруглой аркой, шли картины из лягушачьей жизни: лягушки пьют пиво в зеленом болоте, лягушки охотятся на стрекоз среди густого камыша, играют струнный quartet, дерутся на шпагах и т. д. Очевидно, стены расписывал иностранный мастер.

Вместо столов были расставлены на полу, густо усыпанном опилками, тяжелые дубовые бочки; вместо стульев – маленькие бочоночки. Направо от входа возвышалась небольшая эстрада, а на ней стояло пианино. Здесь каждый вечер, уже много лет подряд, играл на скрипке для удовольствия и развлечения гостей

музыкант Сашка – еврей, – кроткий, веселый, пьяный, плешивый человек, с наружностью облезлой обезьяны неопределенных лет. Проходили года, сменялись лакеи в кожаных нарукавниках, сменялись поставщики и развозчики пива, сменялись сами хозяева пивной, но Сашка неизменно каждый вечер к шести часам уже сидел на своей эстраде со скрипкой в руках и с маленькой беленькой собачкой на коленях, а к часу ночи уходил из Гамбринуса в сопровождении той же собачки Белочки, едва держась на ногах от выпитого пива.

Впрочем, было в Гамбринусе и другое несменяемое лицо – буфетчица мадам Иванова, – полная, бескровная, старая женщина, которая от беспрерывного пребывания в сыром пивном подземелье походила на бледных ленивых рыб, населяющих глубину морских гротов. Как капитан корабля из рубки, она с высоты своей буфетной стойки безмолвно распоряжалась прислугой и все время курила, держа папиросу в правом углу рта и щуря правый глаз. Голос ее редко кому удавалось слышать, а на поклоны она отвечала всегда одинаковой бесцветной улыбкой.

II

Громадный порт, один из самых больших торговых портов мира, всегда бывал переполнен судами. В него заходили темно-ржавые гигантские броненосцы. В нем грузились, идя на Дальний Восток, желтые толстотрубые пароходы Добровольного флота, поглощавшие ежедневно длинные поезда с товарами или тысячи арестантов. Весной и осенью здесь развевались сотни флагов со всех концов земного шара, и с утра до вечера раздавалась команда и ругань на всевозможных языках. От судов к бесчисленным пакгаузам и обратно по колеблющимся сходням сновали грузчики: русские бояки, оборванные, почти оголенные, с пьяными, раздутыми лицами, смуглые турки в грязных чалмах и в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускулистые персы, с волосами и ногтями, окрашенными хной в огненно-морковный цвет. Часто в порт заходили прелестные издали двух- и трехмачтовые итальянские шхуны со своими правильными этажами парусов – чистых, белых и упругих, как груди молодых женщин; показываясь из-за маяка, эти стройные корабли представлялись – особенно в ясные весенние утра – чудесными белыми видениями, плывущими не по воде, а по воздуху, выше горизонта. Здесь месяцами раскачивались в грязно-зеленой портовой воде,

среди мусора, яичной скорлупы, арбузных корок и стад белых морских чаек, высоковерхие анатолийские кочермы и трапезондские фелюги, с их странной раскраской, резьбой и причудливыми орнаментами. Сюда изредка заплывали и какие-то диковинные узкие суда, под черными просмоленными парусами, с грязной тряпкой вместо флага; обогнув мол и чуть-чуть не чиркнув об него бортом, такое судно, все накренившись набок и не умеряя хода, влетало в любую гавань, приставало среди разноязычной ругани, проклятий и угроз к первому попавшему молу, где матросы его, – совершенно голые, бронзовые, маленькие люди, – издавая гортанный клекот, с непостижимой быстротой убирали рваные паруса, и мгновенно грязное, таинственное судно делалось как мертвое. И так же загадочно, темной ночью, не зажигая огней, оно беззвучно исчезало из порта. Весь залив по ночам кишел легкими лодочками контрабандистов. Окрестные и дальние рыбаки свозили в город рыбу: весною – мелкую камсу, миллионами наполнявшую доверху их баркасы, летом – уродливую камбалу, осенью – макрель, жирную кефаль и устрицы, а зимой – десяти- и двадцатипудовую белугу, выловленную часто с большой опасностью для жизни за много верст от берега.

Все эти люди – матросы разных наций, рыбаки, кочегары, веселые юнги, портовые воры, машинисты, рабочие, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты, – все они были молоды, здоровы и пропитаны крепким запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, ценили выше всего силу, молодечество, задор и хлесткость крепкого слова, а на суще предавались с диким наслаждением разгулу, пьянству и дракам. По вечерам огни большого города, взбегавшие высоко наверх, манили их, как волшебные светящиеся глаза, всегда обещая что-то новое, радостное, еще не испытанное, и всегда обманывая.

Город соединялся с портом узкими, крутыми, коленчатыми улицами, по которым порядочные люди избегали ходить ночью. На каждом шагу здесь попадались ночлежные дома с грязными, забранными решеткой окнами, с мрачным светом одинокой лампы внутри. Еще чаще встречались лавки, в которых можно было продать с себя всю одежду вплоть до нательной матросской сетки и вновь одеться в любой морской костюм. Здесь также было много пивных, таверн, кухмистерских и трактиров с выразительными вывесками на всех языках и немало явных и тайных публичных домов, с порогов которых по ночам грубо размалеванные женщины зазывали сиплыми голосами матросов. Были греческие кофейни, где играли в домино и в шестьдесят шесть, и турецкие кофейни, с приборами для курения наргиле и с ночлегом за пятак; были восточные кабачки, в которых продавали улиток, петалиди, креветок, мидий, больших

бородавчатых чернильных каракатиц и другую морскую гадость. Где-то на чердаках и в подвалах, за глухими ставнями, ютились игорные притоны, в которых штосс и баккара часто кончались распоротым животом или проломленным черепом, и тут же рядом за углом, иногда в соседней каморке, можно было спустить любую краденую вещь, от бриллиантового браслета до серебряного креста и от тюка с лионским бархатом до казенной матросской шинели.

Эти крутые узкие улицы, черные от угольной пыли, к ночи всегда становились липкими и зловонными, точно они потели в кошмарном сне. И они походили на сточные канавы или на грязные кишki, по которым большой международный город извергал в море все свои отбросы, всю свою гниль, мерзость и порок, заражая ими крепкие мускулистые тела и простые души.

Здешние буйные обитатели редко поднимались наверх в нарядный, всегда праздничный город с его зеркальными стеклами, гордыми памятниками, сиянием электричества, асфальтовыми тротуарами, аллеями белой акации, величественными полицейскими, со всей его показной чистотой и благоустройством. Но каждый из них, прежде чем расшвырять по ветру свои трудовые, засаленные, рваные, разбухшие рублевки, непременно посещал Гамбринус. Это было освящено древним обычаем, хотя для этого и приходилось под прикрытием вечернего мрака пробираться в самый центр города.

Многие, правда, совсем не знали мудреного имени славного пивного короля. Просто кто-нибудь предлагал:

– Идем к Саше?

А другие отвечали:

– Есть! Так держать.

И уже все вместе говорили:

– Вира!

Нет ничего удивительного, что среди портовых и морских людей Сашка пользовался большим почетом и известностью, чем, например, местный архиерей или губернатор. И, без сомнения, если не его имя, то его живое обезьянье лицо и его скрипка вспоминались изредка в Сиднее и в Плимуте, так же как в Нью-Йорке, во Владивостоке, в Константинополе и на Цейлоне, не считая уже всех заливов и бухт Черного моря, где водилось множество почитателей его таланта из числа отважных рыбаков.

III

Обыкновенно Сашка приходил в Гамбринус в те часы, когда там еще никого не было, кроме одного-двух случайных посетителей. В залах в это время стоял густой и кислый запах вчерашнего пива и было темновато, потому что днем берегли газ. В жаркие июльские дни, когда каменный город изнывал от солнца и глох от уличной трескотни, здесь приятно чувствовалась тишина и прохлада.

Сашка подходил к прилавку, здоровался с мадам Ивановой и выпивал свою первую кружку пива. Иногда буфетчица просила:

– Саша, сыграйте что-нибудь!

– Что прикажете вам сыграть, мадам Иванова? – любезно осведомлялся Сашка, который всегда был с ней изысканно любезен.

– Что-нибудь свое...

Он садился на обычное место налево от пианино и играл какие-то странные, длительные, тоскливы пьесы. Становилось как-то сонно и тихо в подземелье, только с улицы доносилось глухое рокотание города, да изредка лакеи осторожно побрякивали посудой за стеной на кухне. Со струн Сашкиной скрипки плакала древняя, как земля, еврейская скорбь, вся закатанная и обвитая печальными цветами национальных мелодий. Лицо Сашки с напруженным подбородком и низко опущенным лбом, с глазами, сурово глядевшими вверх из-под отяжелевших бровей, совсем не бывало похоже в этот сумеречный час на знакомое всем гостям Гамбринуса оскаленное, подмигивающее, пляшущее лицо

Сашки. Собачка Белочка сидела у него на коленях. Она давно уже привыкла не подывать музыке, но страстно-тосклиевые, рыдающие и проклинающие звуки невольно раздражали ее: она в судорожных зевках широко раскрывала рот, завивая назад тонкий розовый язычок, и при этом на минуту дрожала всем тельцем и нежной черноглазой мордочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-kuprin/gambrinus-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)